

А.Н. Бернштам

Очерк истории гуннов

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А.Н. Бернштам
А11 Очерк истории гуннов / А.Н. Бернштам – М.: Книга по Требованию, 2021. – 260 с.

ISBN 978-5-458-24505-0

Книга доктора исторических наук А. Н. Бернштама «Очерк истории гуннов» представляет собой результат многолетних работ автора по этой проблеме на основании изучения многочисленных письменных источников и археологического материала. Автору принадлежит заслуга открытия и первых публикаций памятников среднеазиатских гуннов, которым он в книге уделяет немалое внимание. Неоднократно автор печатал свои работы, посвященные изучению китайских первоисточников по гуннской проблеме. Настоящий очерк как бы подытоживает многолетние исследования автора и главное дает ему возможность достаточно ясно сформулировать и аргументировать свою точку зрения на роль и значение гуннских завоеваний в истории народов Центральной и Средней Азии, Восточной и Западной Европы.

ISBN 978-5-458-24505-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТ АВТОРА

Гуннский племенной союз имел огромное значение во всемирно-историческом процессе и представляет большой интерес для истории народов СССР. Создание сводного очерка давно назрело. Надо, однако, отметить, что разнообразные источники, требующие в ряде случаев специальной подготовки и знания языков (греческие, латинские, китайские летописи, армянские исторические сочинения и, наконец, скандинавские саги и древнегерманский эпос), недостаточный, а главное, слабо изученный, археологический материал — весьма осложняли работу по написанию сводного очерка. В течение многих лет автор вел исследование истории гуннов по самым различным источникам, преимущественно китайским, и по археологическим памятникам, значительная часть которых на территории Средней Азии была им открыта. Результатом этих исследований явились доклады и статьи, опубликованные в советской научной печати и посвященные, главным образом, частным вопросам предмета.

Интерес к гуннам, который естественно возникает при изучении истории народов СССР и всемирной истории, и отсутствие сводного труда, излагающего последовательно историю гуннов, определили желание составить настоящий очерк. Ввиду того, что по рассматриваемой теме может быть рекомендована обширная, но, к сожалению, буржуазная, литература вопроса,¹ автор считал необходимым дать прежде всего основную характеристику проблемы роли гуннов в социально-экономической и политической истории, а также в этногенезе народов Азии и Европы с точки зрения марксистско-ленинской

¹ Из наиболее последних монографий см.: McGovern. The Early Empires of Central Asia. A W. M. Study of the Scythians and the Huns and the part they played in World History with special reference to the Chinese Sources. The University of North Carolina Press, 1939. См. рецензию на указанную книгу: А. Н. Бернштам, ВДИ, вып. 4, 1940; ср. также главы, связанные с историей гуннов. См. также: E. A. Thompson. A History of Attila and the Huns. Oxford, 1948. — Список принятых сокращений см. на стр. 240—241.

исторической науки. Именно эта тема, а не исчерпывающий очерк истории гуннов, являлась главной задачей автора.

Вместе с тем, хотелось изложить очерк в такой форме, чтобы он мог быть использован в качестве учебного пособия для студентов и аспирантов, хотя это и не являлось основной целью автора. Вследствие сказанного представилось уместным, для полноты, наряду с оригинальной частью работы по истории восточных и среднеазиатских гуннов, объединить выдержки из письменных источников и критические указания на литературу вопроса по истории западных гуннов. Главы по истории западных гуннов и аваров, не являющейся специальностью автора, имеют характер сводки, не более. Изложение политической истории и в известной степени и вся структура очерка (ссылки на русские переводы первоисточников по наиболее доступным изданиям) продиктованы стремлением придать работе широкий характер и расширить круг литературы, которой пожелает воспользоваться читатель.

Здесь нет полного ответа на все вопросы, которые неизбежно встают перед исследователем и читателем. Это объясняется прежде всего неразработанностью многих вопросов и существовавшим до сих пор односторонним отношением к гуннской проблеме. Автор стремился поставить основные проблемы, хотя бы в их предварительной трактовке. Исключена историографическая часть, что компенсировано, отчасти, подробным научным аппаратом, особенно по восточным гуннам.

Следует также указать, что история восточных и западных гуннов и аваров до VI в. н. э. излагается в узком смысле этого понятия.¹ По ряду причин, в частности в силу той же неразработанности отдельных исторических проблем, сознательно исключены такие разделы, как характеристика племенного состава Восточной Европы в эпоху гуннов и аваров, тем более, что эти сюжеты не являются темами прямой специальности автора. По истории аваров дается основная хронология, так как полный очерк потребовал бы изложения таких вопросов, которые слабо освещены в исследовательской литературе. Таковы, например, взаимоотношения аваров с болгарами и т. п. Эта оговорка делается для того, чтобы читатель не искал в настоящем очерке, являющемся первым опытом в советской литературе, ответа на все вопросы, связанные с эпохой «великого переселения народов». Как первую попытку изложения истории гуннов и характеристику важнейших проблем и предлагает автор настоящую работу.

¹ Тесно связано с настоящей работой исследование: А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI—VIII вв. (Восточно-тюркский каганат и кыргызы). Л., 1946.

Основные установки, содержащиеся в книге, докладывались на объединенном заседании Среднеазиатской и Монгольской ассоциаций Института востоковедения Академии Наук и Восточной кафедры Государственной Академии истории материальной культуры еще 16 марта 1935 г. Отдельные вопросы освещались в печати.¹ В основу окончательного текста очерка положены лекции, прочитанные в качестве спецкурса на Историческом факультете Ленинградского государственного университета в 1940/41 уч. г., дополненные результатами изысканий в последующие годы и, в частности, раскопок 1944—1950 гг. в Средней Азии. Эти изыскания были выполнены при неизменном содействии Киргизского филиала Академии Наук ССР, в составе которого автор работал ряд лет.

Считаю необходимым с благодарностью отметить помощь проф. М. А. Тиханозой, проф. М. И. Артамонова и проф. Л. А. Мапулевича, д-ра ист. наук М. М. Дьяконова и В. Н. Казина, взявших на себя труд прочитать рукопись в ее первоначальном варианте и давших ряд ценных указаний, учтенных при окончательной подготовке книги к печати.

Ленинград, октябрь, 1950 г.

¹ См. сл. наши работы: Изображения быка в находках из Ноин-улинских курганов. ПИДО, № 5—6, 1935. — Наследственность и выборность у древних народов Центральной Азии. ПИДО, № 7—8, 1935. — К вопросу о социальном строе восточных гуннов. ПИДО, № 9—10, 1935. — Гуннский могильник Ноин-ула и его историко-археологическое значение. Изв. ООИ, № 4, 1937. — Из истории гуннов I в. до н. э. Хуханье и Чжичжи шаньюи. СВ, I, 1940. — Кенкольский могильник. Гос. Эрмитаж, 1940. См. также ряд замечаний в других работах, ссылки на которые читатель найдет далее.

ВВЕДЕНИЕ

Во второй половине IV в. н. э. на территории Восточной Европы, главным образом в южнорусских степях и на равнинах Венгрии (Паннония), появляется новое объединение кочевых племен, известное под названием гуннов.

В буржуазной исторической науке вопрос о гуннах был поставлен давно. Еще в середине XVIII в. (в 1756 г.) появилась монография французского ученого Дегиня об истории гуннов, тюрков и монголов.¹ Этим годом можно датировать начало широко развившейся дискуссии о происхождении европейских гуннов. Первой проблемой, вставшей с той поры перед наукой, было установление тождества азиатских гуннов, известных из китайских источников, с гуннами европейскими. Устанавливая это тождество, буржуазная наука поставила вопрос о гуннском нашествии в Европу. Второй проблемой явилась этническая принадлежность гуннов. Она вызвала наиболее ожесточенные споры. Предполагали, что гунны этнически были либо турки, либо монголы, либо финны, либо славяне. В этой связи привлекались лингвистические данные (анализировались сохранившиеся в китайской транскрипции гуннские слова), археологические (устанавливалась связь с скифами), антропологические и данные письменных источников. Всеми этими данными пользовались и для доказательства передвижения гуннов с Востока на Запад. Были установлены четыре основных теории происхождения гуннов: «монгольская», «турецкая», «финская» и «славянская». Главными

¹ Deguinges. Histoire des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux, 4 тома (5 книг), Paris, 1756—1758; нем. пер.: I. G. Dähert, Greiswald, 1768. Еще раньше Дегинь издал работу: Mémoire sur l'origine des Huns et des Turcs. Paris, 1748. О Дегине как ученом см. в энциклопедическом словаре «Biographie universelle ancienne et moderne», XVIII, 1857, стр. 126 и сл. За свои работы Дегинь получал от королевского правительства пенсию, которая была оставлена за ним и после Великой французской революции; см.: Biographie..., стр. 126, 127. О работе Дегиня см.: К. А. Иностранцев. Хунну и Гунны. ЛИЖВЯ ГТС, 1926, стр. 6 сл.

представителями первой являются: П. Паллас, Тунман, Ф. Бергман, И. Шмидт, И. Бэр, Н. Я. Бичурин, К. Нейман, Х. Хоурс, отчасти Ам. Тьерри; представителями второй — Абель Ремюза, Ю. Клапрот, Ф. Мюллер, Жирар-де-Риалль, В. В. Радлов, Н. Аристов, Ф. Хирт, И. Блейер, В. Панов, Л. Нидерле, Е. Паркер, Ф. Шварц, отчасти А. Жардо, К. Риттер, Н. Толль. Стронниками третьей теории являются: М. Кастрен, Коскинен, Вивьен де-Сен-Мартен, Уйфальви де-Мезо Ковешд, П. К. Услар. Стронников славянской теории было немного: Д. Венелин, А. Вельтман, А. Погодин, Д. И. Иловайский. Некоторые буржуазные ученые (например Ю. Клапрот) считали центральноазиатских гуннов одного происхождения, а европейских — другого. Все эти теории с формальной стороны разобрал К. А. Иностранцев.¹

История кочевых народов Центральной и Средней Азии, равно как и Восточной Европы, начиная с эпохи так называемого «Великого переселения народов», разработана очень слабо. Упомянувшийся французский ученый Дегинь первый поставил во всей широте вопрос о кочевых народах, начиная с гуннской эпохи. Ему, исследователю китайских источников, принадлежит первое обоснованное мнение о переложении кочевых народов, и раньше всего гуннов, из степей Центральной Азии. Дегинь повторяли и повторяют до наших дней. Теоретической базой для его последователей служила буржуазная теория миграций, основой которой является идеализм и формализм. Основным материалом для установления пути миграций являлось сходство племенных названий, запечатленных на Востоке китайскими летописями, на Западе — сочинениями греческих и латинских авторов. Сходство племенного названия китайского «сюнну» и античного «хуни» было достаточно для утверждения об идентичности этих двух народов, хотя история первых была закончена в начале III в. н. э., а первые достоверные упоминания о вторых появились в конце IV в. Промежуток между III—IV вв. был дан гуннам для перехода с Востока на Запад. Материала для подтверждения этой миграции не имелось, — это была догадка. Только в самом конце XIX в. появляются работы, в которых отдельными новыми фактами пытались подкрепить колебавшуюся иногда теорию Дегиня. Основным пороком теории миграций являлось то, что не учитывался среднеазиатский этап истории гуннов и игнорировалась роль племен, входивших в состав гуннского племенного союза по пути его движения. Конкретные материалы по этому вопросу добыты советскими исследователями, и они помогают точнее раскрыть смысл скупых

¹ См.: К. А. Иностранцев, ук. соч.

известий письменных источников. Тем не менее, в 20-х годах XX в. в связи с загниванием идеологии империалистического мира наблюдаются попытки создать особую науку — кочевниковедение, главным содержанием которой является исследование миграций кочевых народов. Усиленно работали в этом направлении Н. Савицкий, Н. Толль и другие.¹ «Духовным отцом» этих теорий явился ярый миграционист и реакционер М. Ростовцев.

При всем разнообразии доказательств, а также формально блестящей методике исследования и известной оригинальности доводов (например Ф. Хирт), буржуазная наука (не говоря уже о «кочевниковедах») исходит из мертвых, метафизических положений. Отсутствие всякого интереса к внутреннему строю кочевых обществ, ориентация на изучение только внешних явлений, игнорирование единства исторического процесса (да и непонимание его вообще) приводит к тому, что формально иногда хорошо исполненные работы по исследованию отдельных фактов ни в какой степени не могли пролить свет на действительную историю кочевого мира гуннского периода.

Советской исторической наукой (Г. Сосновский, К. Тревер, С. Толстов, Л. Мацулевич, М. Тиханова, М. Левченко, М. Артамонов, С. Киселев, А. Бернштам и др.) вопрос о гуннах ставится совершенно иначе. Гунны и гуннское общество прежде всего рассматриваются нами как политическое образование определенного этапа исторического процесса и выясняется их конкретная историческая роль в этногенезе народов нашей страны. Советские историки стремятся понять процесс общественного развития, который совершался в гуннское время. Это был период, когда масса разрозненных кочевых племен, в том числе многочисленные обитатели восточной части Советского Союза, оказались включенными в гуннский союз, что способствовало их объединению и более быстрому историческому развитию. Вместе с тем гуннский племенной союз в целом не имел еще прочной экономической базы и был весьма слаб в военно-административном отношении. Он даже не достиг той степени, на которой находились империи рабовладельческого или средневековых периодов Кира и Александра Великого или Цезаря и Карла Великого и о которых И. В. Сталин говорил, что они «не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения. Эти

¹ См. А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхоненисейских тюрок VI—VIII вв. (Восточно-тюркский каганат и кыргызы). Л., 1946, стр. 4 сл.

империи не только не имели, но и не могли иметь единого для империи и понятного для всех членов империи языка. Они представляли конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки».¹

В восточногуннском племенном союзе происходил процесс дальнейшего формирования тюркских языков. Я имею в виду процесс объединения многочисленных тюркских диалектов и наречий прежде всего Центральной Азии, Южной Сибири и на Востоке Средней Азии, т. е. на территориях, которые были охвачены воздействием гуннского племенного союза. Несомненно, что тюркоязычным был и правящий или, точнее, правящие гуннские роды типа Хуань, Лань, Сюйбу и другие, из которых происходили гуннские князья (шаньюи). В связи с тюркоязычностью правящего рода была обеспечена «победа» тюркских языков среди этих племен, объединенных к тому же известной общностью экономики (преобладание кочевого скотоводства).

Тем самым в этот период происходило также активное распространение тюркских языков среди восточной части племен, входивших в состав гуннской «империи», которые, выражаясь словами И. В. Сталина, «имели свою экономическую базу и имели свои издавна сложившиеся языки. История говорит, что языки у этих племен и народностей были не классовые, а общенародные, общие для племен и народностей и понятные для них.

«Конечно, были наряду с этим диалекты, местные говоры, но над ними превалировал и их подчинял себе единый и общий язык племени или народности».² В известной степени эта формулировка И. В. Сталина о положении языков в подобного типа империях применима к характеристике гуннов. Если в покоренных гуннами областях оставались свои языки (китайский, маньчжурские и т. д.), то среди этнически близких тюркоязычных племен, правящих родов и племен, происходил процесс сближения диалектов и наречий. Во всех племенах (о которых речь идет далее), составлявших этот союз, шел быстрый процесс образования классов и примитивных форм государственного строя. Этот этап общественного развития определен Ф. Энгельсом как высшая ступень варварства.

Первую попытку дать марксистскую характеристику исторического развития кочевых народов в советской историче-

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 12.

² Там же, стр. 13.

ской литературе мы имеем в работах С. П. Толстова.¹ Основной мыслью в них является положение, что все кочевые народы в своем развитии прошли рабовладельческую формацию. Этот этап исторического развития кочевники на разных территориях проходили в разное время, и, например, туркмены еще накануне русского завоевания находились в стадии рабовладельческой военной демократии. Для Центральной Азии первыми носителями рабовладельческих отношений были гунны, для Средней Азии последними — туркмены. С. П. Толстов предполагает, что рабовладельческая формация, открываемая им в военной демократии, является основой для генезиса феодализма у кочевников. Исследования этого автора, посвященные истории кочевых обществ, имели большое методологическое значение. Они резко повернули внимание советских историков к изучению внутренних процессов истории кочевых народов, прежде всего к исследованию их социально-экономического строя. Его работы побудили советских исследователей к совершенно иному рассмотрению социальной природы и политической истории кочевников. Свидетельством сказанному является значительное количество трудов, вышедших особенно в последнее десятилетие.

Теоретические вопросы поднимались как в специальных исследованиях, посвященных истории древнетюркских народов (Толстов, Бернштам), алтайцев (Потапов), якутов (Окладников), казахов (коллектив авторов «Истории Казахской ССР»), узбеков (Тревер, Якубовский), таджиков (Гафуров), так и в специальных теоретических выступлениях. Укажу в этой связи на доклад И. П. Петрушевского «И. В. Сталин об истории народов Советского Востока в средние века», где докладчик, развивая положения товарища Сталина о кочевых и полукочевых народах Востока, отмечал их роль «как завоевателей и организаторов государств — конгломератов стран и народностей, в которых, как показывают источники, верхушки завоевателей — представители военной знати кочевых племен, — присвоив себе разными путями земли с прикрепленными к ним оседлыми крестьянами, превращались в феодальных эксплуататоров этих последних».²

Тезис С. П. Толстова о связанности понятий «рабовладельческая формация» и «военная демократия» в свое время вызвал дискуссию и привлек внимание исследователей к истории кочевых народов на времени военной демократии, которая

¹ С. П. Толстов. Военная демократия и проблема «генетической революции». ПИДО, № 7—8, 1935; ср. доклад: С. П. Толстов. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. ИГАИМК, № 103, 1934.

² Тезисы доклада, ЛГУ, 1949.

представляет собой зачатки рабовладельческих отношений. Однако следует учитывать, что в рассматриваемую пору кочевые общества (в том числе и гунны), как правило, представляют «варварскую» периферию крупных рабовладельческих центров. Большое значение сохраняют патриархальные отношения. В силу этого, кочевые общества дотюркского периода, т. е. до создания государства VI—VIII вв., играют по отношению к древним государствам (Китай, Средняя Азия, Иран, античное Причерноморье, Средиземноморская античность) *прогрессивную* роль, разрушая рабовладельческую формацию и способствуя быстрому вызреванию новых, более прогрессивных, феодальных отношений.

Напомним, что Ф. Энгельс рассматривал германское общество накануне завоевания Римской империи как общество типа военной демократии;¹ напомним противопоставление Ф. Энгельсом общества германцев обществу античного Рима;² напомним, наконец, аргументацию Ф. Энгельса в том, что общество древних германцев является обществом, стоявшим на ступени доклассовых отношений.³ В то же время известны попытки буржуазных историков представить древнегерманское общество как общество классовое. Модернизация, стремление найти категории буржуазного общества у древнейших германцев — обычное явление в буржуазной науке.

Так же, как и Ф. Энгельс, И. В. Сталин противопоставляет «варваров», в том числе и германцев, античному Риму. Разве не явствует это из замечания И. В. Сталина по поводу отношений Рима и варваров: «...не-римляне, т. е. все «варвары», объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим».⁴ И. В. Сталин расширяет по сравнению с Ф. Энгельсом понятие варварской периферии, относя к ней совокупность всех племен, а не только германцев. И. В. Сталин рассматривает «варваров» и античность как разные системы общественных отношений. Совершенно ясны эти указания Ф. Энгельса и И. В. Сталина.

Остановимся подробнее на указаниях Ф. Энгельса, посвященных истории этого периода, ибо последующее изложение истории гуннов есть, по существу, анализ социально-экономических явлений последнего этапа первобытно-общинного строя.

Известно, что по Ф. Энгельсу, давшему развернутое определение, возникновению классового общества предшествовал

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 109 сл.

² Там же, стр. 126 сл.

³ Там же, стр. 133.

⁴ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 432.

длительный период развития и сложения класса непосредственных производителей и форм его эксплуатации. Сложение класса непосредственных производителей и их экспроприация (первой формой которой является рабство) вызывают развитие классовых противоречий, неизбежно приводящих к возникновению государства. Появление рабства есть закономерное начало этого процесса.

Возникновение патриархальных отношений, в связи с развитием рабства и скотоводства, приводит, по заключению Ф. Энгельса, к новой ступени общественных отношений, к «высшей ступени варварства».

Характеризуя германцев перед завоеванием Рима как варваров, Ф. Энгельс особо отмечает роль их родового строя как систему социальных отношений и учитывает расслоения германского общества уже в ту эпоху. Классовое расслоение приводит к возникновению государства. Государство у германцев возникает окончательно из синтеза доклассового, варварского и античного обществ. В этом синтезе происходит процесс возникновения государства, возникает и народность с общей территорией. Процесс трансформации старых первобытно-общинных отношений в классовые Ф. Энгельсом резюмирован следующими словами:

«Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре становится необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных племенных территорий в одну общую территорию всего народа. Военачальник народа — гех, *basileus*, *thiudans* — становится необходимым, постоянным должностным лицом. Появляется народное собрание там, где его еще не существовало. Военачальник, совет, народное собрание образуют органы развивающейся из родового строя военной демократии. Военной потому, что война и организация для войны становятся теперь нормальными функциями народной жизни. Богатства соседей возбуждают жадность у народов, которым приобретение богатства представляется уже одною из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем упорный труд. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом. Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни упираются уже в цивилизацию. То же самое происходит и внутри общества. Грабительские войны усиливают власть верховного военачальника, равно как и второстепенных вождей; обычное избрание их преемников из одних и тех